

Л. И. Петрова

ИЗ НЕИЗДАННОГО: ДУХОВНЫЕ СТИХИ В ЗАПИСИ А. П. ВЕРЕЩАГИНА

Резюме

Тесно связанные в своих истоках с древнерусской письменностью, духовные стихи в меньшей степени (во всяком случае, на первый взгляд) подвержены территориальному варьированию, нежели былины или исторические песни. Тем не менее изучение этого жанра с точки зрения региональной специфики — одна из важнейших научных задач, все еще стоящих перед исследователями. Но для ее решения требуется сравнительный анализ максимально возможного количества записей духовных стихов, прежде всего духовных стихов эпических, фактически уже прекративших свое бытование в современных условиях. В этой связи выявление и введение в научный оборот архивных материалов приобретает все большее значение. В настоящей работе публикуются записи духовных стихов, осуществленные в середине XIX столетия учителем Онежского уездного училища А. П. Верещагиным в г. Онеге от крестьянина села Нименга (Нименьга), расположенного на Поморском берегу Белого моря. Представлены три сюжета: «Аника-воин», «Егорий Храбрый», «Пятница и Трудник». Тексты сопровождаются краткими комментариями, основанными на сопоставлении с записями из других регионов Русского Севера и выявляющими некоторые отличительные особенности каждого из публикуемых вариантов.

Ключевые слова: духовные стихи, Поморье, Аника-воин, Егорий Храбрый, А. П. Верещагин

UNPUBLISHED SPIRITUAL POEMS RECORDED BY
ALEKSANDR PETROVICH VERESHAGIN

Abstract

Since Russian spiritual poems have their origin in medieval Russian literature, it is not surprising that at first glance they display fewer territorial variations than epic poems (*byliny*) or historical songs. The study of this genre from a regional perspective requires a comparative analysis of the greatest possible number of records of spiritual verses and epic spiritual verses that have largely vanished in the modern world. From this perspective, the identification and publication of archival records is becoming essential for scholarly research. This article presents a publication of spiritual poems that Aleksandr Petrovich Vereshagin, a teacher in the Onega district school, recorded from a peasant of the village of Nimenga, located on the Pomorskii coast of the White Sea. The recording occurred in the city of Onega in the middle of the 19th century. The texts present plots about Anika the Warrior, Egorii the Brave, and Piatritsa and Worker-Pilgrim (*Trudnik*). Brief comments, which accompany the publication, compare these texts with records taken in other regions of the Russian North and point out some of their distinct features.

Keywords: spiritual poems, Pomorie, Anika the Warrior, Egorii the Brave, Aleksandr Vereshagin

DOI 10.31860/2712-7591-2023-3-161-175

Представленные в настоящей работе тексты духовных стихов записаны в начале 1850-х гг. (точнее — до декабря 1853 г.) в г. Онеге родным братом знаменитого художника Василия Петровича Верещагина Александром Петровичем Верещагиным [Васкул], на тот период — учителем Онежского уездного училища. Четыре духовных стиха («Про Егорья Храбраго», «Про Анику-воина», «Старина про змею в Рахлейском царстве», «Явление Пятницы убогому пустыннонику») были пропеты ему крестьянином села Нименга (Нименьга) Онежского уезда Архангельской губернии Иваном Пахомовым. По свидетельству собирателя, это был старик, обладавший «редкой памятью при незнании грамоты», заучивший тексты «от таких же стариков, коренных жителей Онежского и Кемского уездов»¹. Причины, по которым Иван Пахомов оказался в Онеге, остаются неизвестными. В своей статье «Поморье и былинная традиция на нем» А. Д. Григорьев, в частности, отмечал: «Старик везут на продажу (между прочим в г. Онегу) наловленную весной рыбу» [Григорьев, с. 6]. Возможно, с этой целью прибыл в город и крестьянин села

---

¹ РГО. Р. 1. Оп. 1. № 103. Л. 1–1 об.

Нименга (Поморский берег Белого моря). Но не исключено и другое. Иван Пахомов мог быть одним из обедневших деревенских жителей, которые, сродни каликам перехожим, тоже ходили по близлежащим уездным городам и селам и пели за вознаграждение духовные стихи и былины².

Из четырех записанных А. П. Верещагиным текстов опубликован до настоящего времени только один — на сюжет «Егорий и Змей» [Верещагин]. Перебеленные рукописи трех других духовных стихов хранятся в двух разных архивах: РГО и СПбФ АРАН. Вводимые в научный оборот тексты представляют определенный интерес в плане изучения региональной специфики этого жанра.

Согласно утверждениям собирателя, тексты были записаны им «с совершенной точностью», он «старался, хотя не во всех мелочах, удерживать правописание, свойственное местному произношению»³. Все особенности написания в настоящей публикации сохранены. Исключение составляет замена строчной буквы на прописную при обозначении персонифицированных образов (Чудо, Диво, Смерть). Пунктуация приведена в соответствие с современными правилами.

Про Анику-воина⁴

- Был-жил Аника-воин.
Проживал Аника триста девяностолет⁵
И все пасса⁶ и берегся Чуда чудного,
Смерти чудныя, Смерти страшныя.
5 А все розорял пұстыни⁷ и монáстыри,
Положил свое злобно намереньё —
Святая святых да розорити
И по чисту́ полю бревна развозити.
Настречу Аники — Чудо чудно, Диво дивно:
10 Ноги-ты у Чуда-то звериныя,
Голова-та у Чуда человеческа,
А тўлово у Чудова лошадиноё.
Говорил Аника таковы слова:
«Што ты за Чудо за чудноё?»

---

² В репертуар Ивана Пахомова входили также былины и исторические песни.

³ РГО. Р. 1. Оп. 1. № 103. Л. 1–1 об.

⁴ Там же. Л. 24–25.

⁵ Так в ркп.: вероятно, вместо *девяносто*.

⁶ То есть *опасался*.

⁷ Здесь и далее, в ст. 45 и 52, ударение над этим словом в ркп. отсутствует.

- 15 Али ты еси царь, али царица ты?
Али князь еси ты, али княгиня ты?
А(л)и ты еси да палениця уда́лая?
Али ты еси хресьянина жена хресьянская?»
Отвечало Чудо чудноё, Диво дивноё:
- 20 «Я есмь не царь, да и не царица я,
Я есмь не князь да не княжна же,
Я есмь не палениця вить удалая,
И не хресьянина же я жена хресьянская.
А я есмь Чудо чудное — да я вить Смерть,
25 И Смерть вить я, да Смерть престрашная!»
Становился тут Аника против Чудова:
«Я вить тебя, Чудо, конем стопчу,
Да я вить тебя, Чудо, копьем сколю!»
Отвечало Чудо таковы слова:
- 30 «Были богатыри-то вить славне тебя!
Был Самсон-богатырь — тот славне тебя,
Был Полкан-богатырь — тот славне тебя.
Те сдалися вить, склонилися,
Под мою вить руку преклонилися —
35 Тобе же, Аника, быть под моёй рукой!»
А сам-от Аника умудряется:
Как дерзнуть бы ему нать на Чуда?
И сам же Аника спасается:
Да как бы от Чуда избавиться?
40 Дерзнул он на Чуда на своем кони —
А втогда уж он и под конем лежит,
А Чудо у Аники наверху сидит.
Просил у Чуда Аника времени на три годь,
Штобы в этое время именье-богасьво свое
45 По пúстыням и мона́стырям рóзвозить.
Отвечало Чудо чудноё таковы слова:
«Да не дам я тебе сроку на три годь:
У тебя вить именье несправедно,
Твоей души польза не будёт!»
- 50 Просил у Чуда Аника сроку на́ три месяца,
Штобы в этое время именье-богасьво свое
По пúстыням и мона́стырям рóзвозить.
«Да не дам-то времени и на́ три месяца:

- Вить твое именьё неправедно,
55 Да твоёй души вить польза не будёт!»
Просил Аника у Чуда сроку на три часа.
Да не дало ему Чудо и на три часа.
Туова Аники и славы поют.
*Поют Дунай, да и вперед не знай*⁸.

Публикуемый текст относится, на наш взгляд, к одной из севернорусских версий духовного стиха об Анике-воине, в которой Аника выступает не как зазнавшийся непобедимый богатырь, бравирующий хулением веры Христовой. Здесь он представлен именно как злобный враг христианства, намеревающийся разбить «святая святых», т. е. Гроб Господень, разбросав бревна «по чисту полю». Позднее раскаяние Аники уже не может избавить его от неминуемой гибели. Смерть, таким образом, воспринимается не просто как неизбежная кончина любого из живущих на земле, но как вершитель Суда Божьего. «Если бы не похвалялся Аника разрушить Гроб Господен, то жил бы и другие 330 лет», — поясняла, в частности, известная народная сказительница И. А. Федосова [Описание свадьбы, с. 124].

Про Егорья Храбраго⁹

- А во славном царсьви Царегради,
У славного было царя у Федора,
У той ли было царичи благоверныя —
Родилось, братцы, цюдо цюдноё:
5 На имя Егорий Храбрые.
Прошла слава великая
По всёй земли, по всёй вселенныя —
Во тую землю Кудрияновську,
Ко тому царишшу Кудриянишшу.
10 Скоро он, собацёй сын, срежéйтсе,
Скоро он будё во Царéгради.
Цар' -ёт-град он на дым спустил,
А самому кнезю голову сказнил,
Царичу благоверну в темничу ссадил,
15 Те две сёстры ёго, две родимыя
Во полон скрутил.
Метал он Егорья о сыру землю —

---

⁸ Курсив наш.

⁹ СПбФ АРАН. Ф. 216. Оп. 8. № 208. Л. 3 об.—6.

- Да не мог он Егорья замуцтити.
 Повелел Егорья пилами терць¹⁰ —
- 20 Пильё в зубьях пошшербалосе¹¹,
 По Егорью пильё закаталосе.
 Пила его не брала.
 Повелел собака смолы варить —
 И смола Егорья не брала:
- 25 Огонь не горит, а смола не кипит.
 А стоит Егорий в глубоком котли,
 Поет стихи да херувимские,
 Прославляют Христа, Царя Небесного:
 «Слава Те, Христу, Царю Небесному,
- 30 На земли и на небесах!»
 Сам царишшо надрыгайтсе¹²,
 Надрыгайтсе да похвалеитсе:
 «Давал я Егорью муки разнолисные —
 Не мог я Егорья замуцтити!»
- 35 Копал про Егорья погребы глубокие —
 Посадил Егорья в глубокий погреб,
 Задёргивал решётками заморскими,
 Засыпал песочками сыпущима,
 Замуравливал травами-муравыма,
- 40 Заваливал пенёк-колодьём дубовым.
 Сам царишшо надрыгайтсе,
 Надрыгайтсе да похвалеитсе:
 «Давал я Егорью муки разнолисные —
 Не мог я Егорья замуцтити!
- 45 Топерь посадил во глубокий погреб:
 Не видать Егорью свету белого,
 Не видать Егорью соньча красного
 Да не видать ему и родной матушки!»
 Ише сам, собака, поворот даёт.
- 50 По Егорьёвой было уцести:
 Втогда падали тонкие буйны ветерочки —
 Розвевало песочки супыщие¹³,

¹⁰ Терць — тереть, пилить. (Примечание Верещагина; далее: Примеч. соб.)

¹¹ Пошшерба́тьсе — покрыться щербинами, зазубриться. (Примеч. соб.)

¹² Надрыга́тьсе — издеваться, поносить. (Примеч. соб.)

¹³ Так в ркп., но, возможно, это описка — вместо сыпущие.

- Кокорки розметало дубовые,
Откинуло решатку зоморьскую,
55 Выходил Егорий на белой свет,
Прославлял Христа, Царя Небесного.
Шел в полаты беловитыя,
Шел в полаты он гряновитыя —
В той палаты родна матушка.
60 Хрѣс кладет он по-писа́ному,
Поклон ведет он по-уцѣ́ному,
Кланяится он на вси стороны.
На-перво кланялся он своѣй матери,
Да говорит ей таково словó:
65 «Ай же ты, моя родна матушка!
Дай-ко мне благословленьѣ великоѣ
Ехати во землю Кудрияновську
Отлить-то кровь, да кровь горѣция
Моѣго-то света рóдна батюшка!»
70 Уж и сгóворит Егорьѣва рóдна матушка:
«А не дам те благословленья великого
Ехати во землю Кудрияновську:
Есь у царишша у Кудриянишша
Три за́ставы, три великия,
75 А четвертая заста́ва ише больше всех!»
Тут и сгóворит Егорий своѣй матушки:
«Благословленьѣ мне-ка дашь — дак поеду,
А не дашь — дак мне-ка ехать нать!»
Сгóворит Егорий во второй након:
80 «Уж ты дай-ко-се благословленьѣ великоѣ!»
Тут родимая ёго матушка
Благословленьѣ да́ла ему великоѣ
Ехати во землю Кудрияновську.
Выходил Егорий на крыльчо золоцѣноѣ,
85 Говорил Егорий таковы слова,
Да крыццал Егорий во всю голову,
Ише требовал коня була́ного.
Бежит конишшо буланоѣ,
Буланоѣ, да и седаноѣ¹⁴,

---

¹⁴ Так в ркп.; вероятно, описка вместо *седланоѣ*.

- 90 Обузда́ноё, оседла́ноё.
Садилсе Егорий на добра коня,
И поехал Егорий во цистó полё.
Тольки видели Егорья седуци,
Да не видели Егорья поедуци.
- 95 Приежжал он к перво́й заста́вы великия:
Стоят леса темные,
Ото востока стоят леса до запада,
От земли да леса до́ неба.
Говорит Егорий лесам темным:
- 100 «Полно, леса, веровать в царя Кудриянишша!
Веруйте-тко, леса, в самого Христа,
В самого Христа, Царя Небесного,
Да в миня, Егорья Храброго!»
Егорья леса-ты послушались —
- 105 Розошлись леса по всёй земли,
По всёй земли, по вселенныя
На мелки лесинки¹⁵ на завёршасты¹⁶.
Проежжал Егорий перву́ за́ставу.
Доежжат он до другой заста́вы великия:
- 110 Стоят горы толкуция,
Толкуция горы, дремуция;
Тыи сто́лнутсе горы да ростóлнутсе.
Говорит Егорий таковы слова:
«Полно, горы, веровать в царя Кудриянишша!
- 115 Веруйте-тко, горы, в самогó Христа,
В самого Христа, Царя Небеснаго,
Да в миня, Егорья Храброго!»
Горы-ты Егорья послушались:
Розошлись горы по всёй земли,
- 120 По всёй земли, по вселенныя
На мелки горки на раскатцясты.
И проехал Егорий втору за́ставу.
Вот и третья заста́ва великая:
Текёт река, да река óгнённа,

---

¹⁵ *Лесина* (уменьш. *лесинка*) — дерево растущее или срубленное, но не освобожденное ни от листьев, ни от ветвей. (*Примеч. соб.*)

¹⁶ *Завёршастый* (о дереве) — имеющий вершину, покрытую небольшими ветвями. (*Примеч. соб.*)

- 125 Ото востока текёт река и до запада;
 От земли плáмё пáшет¹⁷ и до неба.
 Сговорит Егорий таковы слова:
 «Полно те, река, веровать в царя Кудриянишша!
 Веруй-ко, река, ты в самого Христа,
 130 В самого Христа, Царя Небесного,
 Да в миня, Егорья Храбраго!»
 А река Егорья послушалась:
 Розошлась река по всёй земли,
 По всёй земли, по вселенныя
 135 На мелки рецьки, на истóценки.
 Проежжал Егорий третью за́ставу.
 Едёт к четвёртой за́ставы великия:
 Лёжит змея окóл всёго двора,
 Змея ужасная, змея хоботастая;
 140 Хвос и голова у золощёна крыльча,
 А дёржит в хоботах да саблю вострую.
 Говорит ей Егорий таково слово:
 «Полно те веровать, змея, в царя Кудриянишша!
 Веруй-ко-се, змея, да в самого Христа,
 145 В самого Христа, Царя Небесного,
 Да в миня, Егорья Храбраго!»
 И змея вить Егорья послушалась:
 Ссекла у царишша буйну голову
 И сама пошла во цистó полё¹⁸
 150 Кдетенышам своим, ко змеенышам.
 Тут Егорий выбрал злато-сéребро,
 Скатный женьцог Егорий повыгрузил,
 Повыгрузил Егорий, повывозил.
 Да на тыи богасьва несметныя
 155 Сстроил Царьград он по-прежнему.

Публикуемый текст — самая первая из известных на сегодняшний день записей стиха о Егории Храбром в Поморье.

Главный герой представлен в нем в двух ипостасях: мученика и воина, причем в равной степени, что является одной из отличительных черт вари-

¹⁷ *Пахать* — мести комнату. Здесь *пáшет* знач. *пýшет*. (Примеч. соб.)

¹⁸ В ркп. неясно, *é* или *ё* на конце слова.

анта. Связь с былинной здесь очевидна, даже, быть может, более очевидна, нежели в других текстах о Егории этого региона.

Подобно былинному богатырю, перед отъездом во вражескую землю Егорий идет просить благословения у матери. Заметим, что этот мотив имеет именно былинное происхождение. В тексте жития «Страдание святого великомученика Георгия Победоносца» он отсутствует: «Мать же Георгия в то время уже скончалась» [Страдание святого, с. 336]. Мотив испрашивания благословения у матери присутствует в подавляющем большинстве духовных стихов о Егории. Однако только в представленном варианте этот эпизод выдержан в былинном стиле. Самый вход в материнские «полаты беловитыя»¹⁹ описывается с помощью традиционных былинных формул:

Хрѣс кладет он по-писаному,
Поклон ведет он по-уцѣному,
Кланяится он на вси стороны.

Причем герой испрашивает благословения, как и в былинах, не единожды, повторяя свою просьбу и «во второй након». А на отказ благословить его отвечает опять-таки традиционно для эпоса:

Бласловленьё мне-ка дашь — дак поеду,
А не дашь — дак мне-ка ехать нать!

О заставах предупреждает Егория мать, отчего и не дает ему благословения на отъезд. Это имеет место и в былинной — в частности, в былинной «Добрыня и Змей», где именно мать предупреждает героя о трех коварных быстрых струях Почай-реки, а тот отвечает ей аналогичной фразой:

«Благословишь — пойду, и не благословишь — пойду»
[БСДС, № 163].

В полном соответствии с былинной традицией отображен и самый отъезд Егория:

Только видели Егорья седуци,
Да не видели Егорья поедуци.

---

¹⁹ Нельзя не отметить здесь наличия определенного алогизма в повествовании: ранее было сказано, что напавший на Царьград Кудриянице «Царичу благоверну в темницу ссадил».

Кроме общих для стихов о Егории Храбром мотивов, как развернутых, так и представленных в редуцированном виде (убийство отца, пленение сестер, преодоление застав и пр.), в публикуемом тексте встречаются и необычные. В частности, ни в одном из известных нам текстов нет мотива изъятия Егорием богатств врага и восстановления на них Царьграда. В эпической традиции (в частности, в былинах «Илья Муромец и Идолище») богатырь освобождает Царьград от противника христианской веры, разрушающего Божьи церкви, уничтожающего иконы. В представленном здесь духовном стихе о Егории Храбром главный герой называет целью своей поездки в землю Кудрияновску месть: «отлить-то кровь ⟨...⟩ рѡдна батюшка». Однако необычной концовкой «вскрывается» основная суть его деяний. Он представлен здесь не как мститель, но как освободитель и устроитель — и не просто родного города, но Царьграда, имеющего сакральное значение, — мифологического центра христианства. Мотив смирения явлений природы, общий для всех стихов о Егории Храбром, в этом тексте несколько отличен от других севернорусских вариантов, оттеняя вселенскую масштабность устройства Руси православной. Горы, леса, реки не просто расступаются перед героем, возвращаясь к своему первоначальному состоянию, как во многих вариантах («Стали леса по-старому, / Стали леса по-прежнему»; «Стали горы по-старому, / Стали горы по-прежнему»; «Стала река по-старому, / Стала река по-прежнему» [Варенцов, с. 98, 99]), но расходятся «по всёй земли, по вселенныя» на мелки «лесинки», горки, «истоценки».

Кроме записи А. П. Верещагина, на Поморском берегу Белого моря собирателями зафиксировано только два варианта «Егория Храброго». Один из них — краткий (71 строка), с усеченной второй частью повествования [БСДС, № 311], а от другого сохранилось лишь два стиха в подстрочнике к нотам [ПРН, с. 9]. При всей скудости материала некоторые общие отличия этих текстов от вариантов, зафиксированных на других берегах Белого моря, всё же просматриваются.

Так, тексты Карельского и Кандалакшского берегов начинаются с указания *времени* действия, что встречается в большинстве вариантов этого стиха: «Во седьмом (восьмом) году восьмой тысячи». Тексты Терского берега имеют особое начало: «Туры, олени по горам пошли». Это отличие осознавалось и самими сказителями²⁰. В поморских вариантах сказ начинается с указания *места* действия: Царьград, Рим [ПРН, с. 9] или (скорее всего,

²⁰ В частности, жительница с. Варзуга (Терский берег) С. И. Клешова напрямую связывала иное, чем у ее односельчан, начало исполняемого ею «Егория Храброго» («Во сѣмом-то году да восьмой тысеши») с другой традицией, поскольку, по ее словам, переняла стих от своей покойной матери, которая была родом из Ковды (Кандалакшский берег) [БСДС, с. 630].

по причине усеченности) сразу с описания самого действия: «Наежжал царищо Кудрянищо» [БСДС, № 311].

В тексте Ивана Пахомова отсутствует сказочно-фантастическое описание (варьируемое лишь в мелочах) облика главного героя, характерное для большинства стихов о Егории Храбром, в том числе и вариантов Терского и Карельского берегов:

По локоть у него руки в красном золоте,
По колени ноги в чистом серебре,
Во лбу-то солнце, в тылу-то месяц,
По косицам звезды переходя.

[Варенцов, с. 95]

В записи А. П. Верещагина вместо пространного описания внешнего облика рожденного героя дана только его оценочная характеристика: «цудо цюдное» — сродни эпитету «чудный» в тексте Жития Георгия Победоносца: «в римском воинстве был чудный Христов воин, святой Георгий» [Страдание святого, с. 336]. В кратком поморском варианте Егорий — это просто «цядо милое, дитя любимое» [БСДС, № 311].

Нельзя не отметить и различие в именах врага христианского мира. В терских вариантах это царище Ондреянище, в кандалакшских — царище Грубиянище, и только в карельских — Кудреян Кудреянище, аналогично поморскому.

Вполне допускаем, что существовала особая поморская версия «старшего» духовного стиха о Егории Храбром, своеобразии которой отразил публикуемый текст. Однако материала для ее выделения по-прежнему явно недостаточно.

Явление Пятницы убогому пустынноку²¹

- Спасалсе пустынный во пустыни²²,
Не рук себе, не ног да не имеет.
Петничу и середу постилсе,
Со слёзами Господу молилсе.
- 5 Ему Петнича во снях евиласе,
Хрёстом пустытника оградила,

²¹ СПбФ АРАН. Ф. 216. Оп. 8. № 208. Л. 28 об.

²² Каждый стих поется дважды. (Примеч. соб.)

- Свершою²³ его осветила,
Дала ему руки и ноги:
«Подь-ко, пустынный, из пустыни
10 Во мир да к християнам.
Скажи ты миру, християнам,
Штобы середу и петничу постилисе,
А в воскрєсны дни Господу молились,
Друг бы с другом оны не бранились,
15 Брат бы брата называли,
А дети бы родителей почитали,
А родители детей бы не проклинали
И жидовя́ми бы их не называли.
Ноньце жи́ды у Христа прокляты:
20 Проклинал их Иисус Христос Небесной
Со а́нделами да со архиньделами,
Да со всёю небесною силою».

Стих можно отнести к духовно-наставительным религиозным произведениям. Его центральную часть составляет варьируемое в деталях (в разных записях) изложение нравственного кодекса, которому должно следовать в миру. Вместе с тем стих имеет повествовательное начало, которое позволяет выделить по крайней мере две его версии. Публикуемый текст относится к основной, широко распространенной: к бездвигженному пустыннику во сне является Пятница, исцеляет его и через него посылает людям христианские наставления на каждый день.

Вторая версия представлена текстами, записанными в Прионежье [Калики переходные, № 597, 598]. В них персонифицированный образ пятничного дня, столь хорошо известный по народным поверьям, отсутствует. Отсутствует и образ Креста Животворящего, с помощью которого происходит исцеление Трудника.

В заключение скажем, что в современных условиях, когда работа собирателей «в поле» уже не может принести существенных результатов, выявление и введение в научный оборот архивных материалов обретает особое значение.

Литература

БСДС — Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова / Изд. подгот. С. Н. Азбелев, Ю. И. Марченко. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 1079 с.

---

²³ *Свершá* — восковая свеча. (Примеч. соб.)

- Варенцов — Сборник русских духовных стихов, составленный В. Варенцовым. СПб.: Д. Е. Кожанчиков, 1860. 248, [3] с.
- Васкул — *Васкул А. И. Верещагин Александр Петрович // Русские фольклористы: Библиографический словарь: XVIII–XIX вв.: В 5 т. / Под ред. Т. Г. Ивановой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. Т. 1: А–Г. С. 582–584.*
- Верещагин — *Верещагин А. П. Старина про змею в Рахлейском царстве // Памятники и образцы народного языка и словесности: Прибавления к Известиям Имп. Акад. наук по Отд. рус. яз. и словесности. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1855. Тетр. 4. Стб. 393–396.*
- Григорьев — *Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. / Изд. Имп. Акад. наук. М.: Университетская тип., 1904. Т. 1. [2], LX, 708 с.: нот.*
- Калики перехожие — *Калики перехожие: Сб. стихов и исслед. П. Бессонова. М.: Тип. Лазаревского ин-та вост. языков, 1864. Вып. 6. XX, 328 с.*
- Описание свадьбы — *Агренева-Славянская О. Х. Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями: обрядовыми, голосильными, причитальными и завывальными: В 3 ч. Тверь: [б. и.], 1889. Ч. 3: Плачи и причитания по умершим и по рекрутам; стихи великопостные; былины и легенды; старинные песни и величания; сказки, загадки, пословицы и прибаутки: (С текстом и мелодиями). 213 с.*
- ПРН — *Песни русского народа: собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 году / Зап.: слова Ф. М. Истомин, напевы Г. О. Дютш; Изд. Имп. Рус. геогр. о-вом. СПб.: Тип. Э. Арнольда, 1894. XXIV, 244 с.*
- Страдание святого — *Страдание святого великомученика Георгия Победоносца // Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. М.: Ковчег, 2010. Кн. 8: Апрель. С. 334–350.*

References

- Agrenea-Slavyanskaya, O. Kh. (1889). *Opisaniye russkoi krest'yanskoi svad'by s tekstom i pesnyami: obryadovymi, golosil'nymi, prichital'nymi i zavyyal'nymi*. 3 Vols. Tver': [s. n.]. Vol. 3, 213 p.
- Arkhangel'skie byliny i istoricheskie pesni, sobrannye A. D. Grigor'evym v 1899–1901 godakh (1904). Moscow, Saint Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk. Vol. 1. [2], LX, 708 p., not.
- Azbelev, S. N., Marchenko, Yu. I., eds. (2002). *Belomorskie stariny i dukhovnye stikhi. Sobraniye A. V. Markova*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1079 p.
- Bessonov, P. (1864). *Kaliki perekhozhiye. Sbornik stikhov i issledovaniye*. Moscow: Tipografiya Lazarevskogo instituta vostochnykh yazykov. Vol. 6. XX, 328 p.
- Istomin, F. M., Dyutsh, G. O., eds. (1894). *Pesni russkogo naroda: sobrany v guberniyakh Arkhangel'skoi i Olonetskoi v 1886 godu*. Saint Petersburg: Tipografiya E. Arn-glol'da, XXIV, 244 p.
- 'Stradaniye svyatogo velikomuchenika Georgiya Pobedonosta' (2010), in: *Zhitiya svyatykh, na russkom yazyke izlozhennye po rukovodstvu Chet'ikh-Minei svyatogo Dimitriya Rostovskogo*. Moscow: Kovcheg. Vol. 8, *Aprel'*, 334–350.
- Varentsov, V., ed. (1860). *Sbornik russkikh dukhovnykh stikhov, sostavlennyy V. Varentsovyim*. Saint Petersburg: D. E. Kozhanchikov, 248, [3] p.

- Vaskul, A. I. (2016). 'Vereshchagin Aleksandr Petrovich', in: T. G. Ivanova, ed., *Russkie fol'kloristy. Biobibliograficheskii slovar'. XVIII–XIX veka*. 5 Vols. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. Vol. 1, 582–584.
- Vereshchagin, A. P. (1855). 'Starina pro zmeyu v Rakhleyskom tsarstve', in: *Pamyatniki i obraztsy narodnogo yazyka i slovesnosti: Pribavleniya k Izvestiyam Imperatorskoi Akademii nauk po Otdeleniyu russkogo yazyka i slovesnosti*. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. Tetrad' 4, 393–396.